

После ужина Сюй-бо пришел сообщить Сяо Хунцзину, что комната для гостя подготовлена — она находилась как раз по соседству.

Сяо Хунцзин в одно мгновение испытал и удивление, и радость.

— Пойдем, я провожу тебя в твою комнату.

Стоило открыть дверь, как в воздухе ощутился легкий аромат сандала. Взгляд сразу падал на двусторчатую ширму с изображением сосны и журавля; тонкая, искусная работа навевала чувство покоя и умиротворения. В комнате горело несколько дворцовых фонарей и свечей, чье теплое сияние делало опочивальню просторной и тихой. Сквозь ажурную резьбу оконных рам на стены падали причудливые тени. В центре комнаты стояла массивная кровать, застланная изысканным шелком и толстым ватным одеялом. Рядом с ней расположился письменный стол с полным набором для каллиграфии, а на другой половине стола стояли совершенно неуместные здесь медное зеркало и пудреницы.

Сяо Хунцзин, заметив это, немного смущенно потер ухо:

— Это все я распорядился приготовить. Не знал, что именно тебе нужно, поэтому взял всего понемногу. Завтра я велю слугам поставить для тебя отдельный туалетный столик.

Чу Синхуань не стал отказываться. По дороге сюда он уже приметил, что другая комната находится вплотную к этой. Это означало, что он сможет видеть человека, который ему дорог, в любой момент, и такая близость его вполне устраивала. Мягкий свет фонарей делал лицо Чу Синхуаня еще более притягательным. Раньше Сяо Хунцзин не понимал, что такое любовь, чувствуя лишь неясное, гнетущее томление, готовое в любой миг вырваться наружу. Теперь, когда все встало на свои места, он с радостью позволил Чу Синхуаню легко и непринужденно увлечь себя в пучину страсти. Манящая улыбка, подернутые дымкой глаза и хрупкая фигура Чу Синхуаня всегда затрагивали самые тонкие струны в душе Сяо Хунцзина. Стоило ему приблизиться, как внутри вспыхивал необъяснимый порыв — заключить его в объятия и поглотить целиком.

— Хочешь? — Чу Синхуань прекрасно знал, как пленить мужское сердце. Время, место, человек — все было на его стороне.

— Ты уверен, что хочешь так дразнить меня? — Дыхание Сяо Хунцзина сбилось, он не сводил с него глаз.

Чу Синхуань больше не обращал на него внимания: он взмахнул рукой, гася несколько свечей, и неспешно направился к кровати.

— Если не хочешь, то забудь.

Сяо Хунцзин стоял, глядя на него покрасневшими глазами, и наблюдал, как Чу Синхуань слой за слоем сбрасывает одежду. Тонкий шелк обнажил нежную, как лед, кожу, белую и ароматную. Когда Сяо Хунцзин обнял его со спины, это было единственное, что он чувствовал.

— Хочу, — прошептал он. — Я хочу тебя.

Сяо Хунцзин обхватил его за талию, целуя от ушной раковины до самой шеи, а затем развернул Чу Синхуаня лицом к себе, чтобы прильнуть к его губам. Одежды обоих были разбросаны по полу, полог кровати наполовину сорван. Чу Синхуань непрерывно тяжело дышал, его тело мелко дрожало. Когда Сяо Хунцзин вновь поцеловал крошечную родинку на его груди, в глазах Чу Синхуаня застыло изумление, сменившееся блаженным вздохом облегчения. Сяо Хунцзин заметил, что после прикосновения к этой родинке Чу Синхуань стал еще более страстным и податливым, и с удвоенной силой принялся за свое дело.

...Чувства крепи, весенняя истома разливалась в воздухе, и лишь расшитые узорами одеяла скрывали их бурную страсть. Взаимное влечение — величайшее счастье в этом мире. Они уgomонились лишь к часу Кролика и, совершенно измотанные, легли отдыхать.

Чу Синхуань при свете угасающих ламп внимательно разглядывал лицо Сяо Хунцзина, касаясь его пальцами. Он думал о том, что, если бы он не оказался здесь, за какую девушку этот человек мог бы жениться? Но тут же одернул себя: хорошо, что он пришел. Теперь этот человек принадлежит ему, и даже его первая близость досталась ему — целиком и полностью. С этой мыслью он успокоился, прижался ближе к его груди и заснул.

Когда Чу Синхуань проснулся, было уже близко к полудню. Он пошарил рукой рядом — кровать была пуста. Превозмогая необычные ощущения во всем теле, он сел и хотел позвать Сяо Хунцзина, но обнаружил, что голос охрип. В этот момент Сяо Хунцзин, только что закончивший тренировку с копьем, широким шагом вошел в комнату. Почувствовав, что воздух еще полон ароматом их недавней близости, он пришел в еще более приподнятое настроение. Он подошел к столу, налил теплой воды и протянул Чу Синхуаню:

— Как ты себя чувствуешь? Все хорошо?

Чу Синхуань сделал глоток, смачивая горло, и произнес:

— Муж.

Сяо Хунцзина словно ударило молнией от этого обращения; вся его выдержка, воспитываемая двадцать с лишним лет, вмиг испарилась. В прошлый раз, услышав это, он запретил так себя называть, но теперь... теперь он хотел слышать это снова и снова. Всю жизнь.

Чу Синхуань прищурился и вложил чашку обратно в его руку. Сяо Хунцзин отставил ее в сторону, сел на край кровати и, обняв Чу Синхуаня, осторожно, словно выпрашивая законное право, спросил:

— Синхуань, как ты думаешь, когда нам стоит сыграть свадьбу?

Чу Синхуань, желая подразнить его, невинно ответил:

— Зачем жениться? Разве сейчас не хорошо?

— Нехорошо! То есть... нет, не то чтобы плохо, но раз уж мы вместе, мы должны пожениться, — засуетился Сяо Хунцзин, обиженно и взволнованно. — Я хочу вписать тебя в наш семейный реестр, хочу, чтобы ты стал моей законной супругой, и чтобы после смерти мы были

похоронены в одной могиле.

— Но разве ты не говорил, что дашь мне свободу и позволишь уйти, когда я пожелаю?

— Нет! Я передумал. Я дам тебе свободу даже после свадьбы, но ты ни за что не должен покидать меня.

Стоило Сяо Хунцзину представить жизнь без Чу Синхуаня, как ему становилось невыносимо больно.

Чу Синхуань продолжал допытываться:

— Но я мужчина. Ты готов бросить вызов всему миру, нарушить заветы предков и прервать свой род?

— Да. Если я буду с тобой, я готов отказаться от всего, сложить оружие и уйти в отставку. Пусть род прервется — невелика беда. В конце концов, после смерти я сам приду к предкам и буду бить поклоны, вымаливая прощение. — Сяо Хунцзин произнес это с предельной серьезностью, каждое слово чеканя.

— Тогда давай поженимся, — Чу Синхуань прикрыл глаза и слегка укусил Сяо Хунцзина за шею.

Он никогда не задумывался о результатах, но если они будут, он надеялся, что этот финал принесет ему удовлетворение и не заставит жалеть о содеянном.

На следующий день, во время утренней аудиенции, несколько чиновников в один голос подали прошение: князь Сюань уже два года как прошел церемонию совершеннолетия, но до сих пор не женат, а значит, пора подобрать ему достойную супругу. Пользуясь случаем, они начали наперебой предлагать кандидатуры девушек из своих родов. Зал золотого трона на какое-то время превратился в балаган. Император Чэнь-у, раздраженный этим гвалтом, прервал их:

— Через два дня день рождения вдовствующей императрицы. Тогда я сам выберу невесту для младшего брата, так что господам чиновникам незачем беспокоиться.

Затем евнух, получив знак от императора, провозгласил:

— Есть еще дела? Если нет, аудиенция окончена!

После ухода чиновников император Чэнь-у вызвал Сяо Хунцзина в кабинет.

— Цзыси, через два дня у князя Сюаня, скорее всего, появится будущая супруга. А как насчет тебя? Есть ли кто-то, кто тебе по сердцу? — Хотя император спрашивал об этом, в глубине души он был уверен, что ответа не последует. — Может, воспользуемся случаем, и я дарую тебе брак?

Сяо Хунцзин поклонился императору:

— Благодарю, Ваше Величество, но у меня уже есть человек, который мне дорог.

— Ничего... Что ты сказал? Цзыси, откуда у тебя кто-то на примете? Чья это дочь?

Император Чэнь-у совершенно не ожидал такого ответа и на мгновение остолбенел. Его расшитые драконами одежды сияли, но взгляд стал острым и холодным, как лед.

<http://bllate.org/book/21347/2167884>